
Чу! Тоскующим воем исходит стылая мгла.
Сквозь оконце сочится тусклой луны
леденец.

Плавится и шипит свеча посредине стола.
Четверо за столом. Четвёртый меж ними
мертвец.

А на дощатом - столе обилие яств и блюд.
Мышка из норки следит – кусочек стащить
где б?

Чёрное льётся вино. Живые едят и пьют,
мясо режут ножом и руками ломают хлеб.
С женщиной двое мужчин – постарше
и молодой.

Трапеза невесела. Невесело что-то им.
Вдруг молодой поперхнулся, выругался
другой.

Вперив очи в пространство, мертвец сидит
недвижим.

Мёртвому всё одинако, чем завершится
ночь.

Сердце его не бьётся, в груди у него дыра.
Станным гостям его никак улыбнуться
невмочь.

Тот, что постарше, встал и велел остальным:
«Пора!»

Дальше будет катиться путей и судеб
клубок...

Молча младший за старшим сгинул
в неведомый мрак.

Женщина – следом, но оглянувшись
через порог
и начертала в воздухе отвращающий знак.
Дедушко сказку доскажет, а ты засыпай,
сорванец.
Было ли? Нет? Забылось. Сквозняк свечу
погасил.
Мышка вильнула хвостиком – из-за стола
мертвец
сверзился с грохотом на пол, тут и очи
закрыл.

Презумпция

Загодя бы знал – со свету сгинул.
Личиком – не королевич! – ткнули в грязь.
Руки, чтоб не рыпался, за спину
заломили с торжеством. Попался, мразь!
Заострив осиновые кольца
и высвобождая скороспелый яд,
смотрит справедливость исподлобья.
Взяли-повязали. Значит, виноват.

В праве на возмездие упорный,
честно негодует каждый правый псих.
А один, совсем от горя чёрный,
радуется ныне больше остальных.
Будто легче несоизмеримо
будет, если мёртвым дорогим вослед,
тщась исправить, что непоправимо,
выслать свежий окровавленный привет.

Вопреки судьбе категоричной
жаль их. Что творят, не ведают о том.
В кружевной манжет сморкаясь зычно,
плачет бедный дурень в парике седом.
Или зря сомнение вцепилось
в край души нетвёрдой? Искуситель, сгинь!
С кем бы невиновность ни случилась –
в принципе недоказуемо. Аминь.

Старичок-лесовичок

Как нарочно, ночка выдалась безлунная.
Мертвецы всегда такие тяжёлые?
Ты-то, милая принцесса-королевишна,
стала мёртвая навроде чугунная.
Сквозь ольховые чащобы, сквозь еловые
на горбе тебя тащить уморился я,
за собою волочить утомился я.
Добрались, однако, мы с тобой, красавица.
Между зарослей зияет проплешина.
Будет здесь тебе могилка укромная,
изнутри кругом душистым мхом застелена.
Что зриаешь, не мигая? Не нравится?
Или ты спала помягче, краше видела?
А вот зря меня, убогого, обидела!
Зря царапалась, кусалась, неуёмная!
Нет, чтоб ласковой, послушной быть,
как велено.

На саму себя пеняй теперь, строптивница,
что сейчас земляца в глазоньки насыплется.
Где тебя искать, одна лишь ночка тёмная –
непогожая, лихая – ныне ведает.
Мимоезжий если кто начнёт выпрашивать –
знать не знаем, не видали и не слышали.
Хоть в лесу аукать станет – всё ответа нет...

Прошмыгнуло в мураве. Ужи ли, мыши ли?
Ветер в кронах стих. Стал дождик
накрапывать.

Свежий холм накрыла хмара студёная.
Из тумана, хоронясь под ракетами,
кто-то огненными площадками уставился.
Старый встал и восвосяси отправился,
тяжело переступая копытами.

Когда казалось – миновала
пора хлебать пустые щи,
фортуна салом по мусалам
и такова. Свищи-ищи!
А как отчаянно старались
и обаять, и угодить,
и мелким бесом рассыпались...
Всё зря! Растак твою едрить!
Терзаемы недоуменьем,
лелеем каверзную месть,
раз ныне некого со рвеньем
глазами преданными есть.
Заполучив внезапный пендель,
давясь кусманом пирога,

бесславно сгинул благодетель
и с ним надежды на благА.
Что за насмешка рока злого –
дивиться, как иной народ
(и в том судеб круговорот)
вокруг избранника иного,
ликуя, водит хоровод.
В раж обличительный впадаем.
Но есть ли, рассуди кума,
резон, чтоб заходиться лаем
из подворотни задарма?

Наголо обрито до едина,
глазки от восторга вкось и врозь,
человечество из карантина
вышло, обнулённое насквозь.

На колени рухнуло у входа –
выхода, точней, с табличкой «Рай».
Мама миа! Вот она свобода!
Задние, а ну, не напирай!

Взвеселились города и веси.
Покатилось время колесом,
как пошли ребята куролесить –
коромыслом дым и пыль столбом.

Эффективней гога и магага
учудили жуткий тарарам.
Если поднажать ещё немного –
затрещит Вселенная по швам.

И тогда на эти штучки-дрючки,
на царящий в мире беспредел
сам Господь из-за кудрявой тучки,
сокрушаясь сердцем, поглядел.

Поглядел, за бороду схватился
и признал, что улучшений нет:
– Видимо, опять не получился
мой очередной эксперимент.

Очевидно, я с вакциной что-то
напортачил и переборщил,
оттого насмарку вся работа...
И опять к работе приступил.

Что ж теперь задумал, интересно?
Раз на человечество сердит,
всё в лаборатории небесной
колбами-пробирками гремит.